

морю», но сам образ его жизни сводит на нет все эти надежды. Его обаяние и незаурядность остаются не востребуемыми из-за его привязанности. Игра не только не помогает ему стать хозяином жизни, она лишает его всякой возможности к социальному самоутверждению. На поверхность выпячивается неприглядная изнанка жизни, нищета, бездомность и уязвимость «игроков»: «Расплюев: Так это, стало, в двадцать четыре часа по две трепки. Ведь этак жить нельзя (поднимает пуговицу), этак всякая собака со двора сбежит...»¹⁹

Несмотря на то, что карточная игра остается в поле зрения русской драматургии, после 1860–1870-х гг. прием ожидания игры постепенно выходит из употребления. На это влияют и некоторое снижение популярности азартных игр (в 1830-е гг. карты переживали абсолютный зенит всеобщего интереса), и новые дискуссии, ведущиеся в российском обществе. После реформы 1860-х гг. ожидания индивидуального и всеобщего благоденствия были связаны с принципиально иными образами и феноменами. В драматургии А. П. Чехова, А. М. Горького мотив ожидания проявляется, может быть, даже сильнее, чем у их литературных предшественников, однако эти ожидания уже не связаны с игрой.

УДК 821.161.1.09-31+929 Гоголь

МОТИВ ЗАКОЛДОВАННОГО МЕСТА В МАЛОРОССИЙСКИХ ЦИКЛАХ Н. В. ГОГОЛЯ: ОТ ОПИСАНИЙ К ПОИСКАМ ПЕРВОПРИЧИНЫ

Т. А. Волоконская

Саратовский государственный университет
E-mail: svilga@yandex.ru

В статье проводится краткий анализ «Вечеров на хуторе близ Диканьки» и «Миргорода» с точки зрения взаимодействия и развития мотива заколдованного места и мотива странных превращений, намечается их последовательная идейная взаимосвязь со сборником «Арабески».

Ключевые слова: Гоголь, мотив, странные превращения, заколдованное место, граница, «пороговое» пространство.

**The Motive of the Bewitched Place in Little Russia Cycles
by N. V. Gogol: from Descriptions to Searching
for the Original Cause**

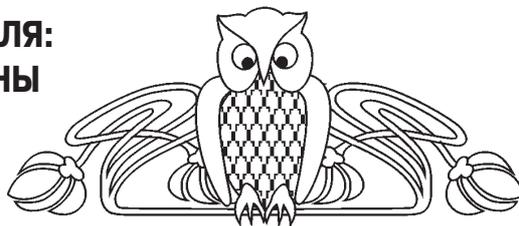
T. A. Volokonskaya

In the article Gogol's «Evenings on a Farm Near Dikanka» and «Mirgorod» are studied in terms of the interaction and development of two motives – the motive of the bewitched place and the motive of strange transformations. From this point of view the cycles' consecutive ideological correlation to «Arabesques» is also outlined.

Key words: Gogol, motive, strange transformations, bewitched place, border, liminal space.

Примечания

- ¹ Лотман Ю. Беседы о русской культуре : Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1994. С. 142.
- ² Пушкин А. Полн. собр. соч. : в 10 т. М., 1963. Т. 2. С. 307.
- ³ Гоголь Н. Полн. собр. соч. : в 14 т. М. ; Л., 1937–1951. Т. 5. С. 89.
- ⁴ Лермонтов М. Полн. собр. соч. : в 4 т. М., 1953. Т. 3. С. 225.
- ⁵ Лотман Ю. Указ. соч. С. 145.
- ⁶ Сухово-Кобылин А. Трилогия. М. ; Л., 1959. С. 78.
- ⁷ Гоголь Н. Указ. соч. Т. 5. С. 66.
- ⁸ Там же. С. 96.
- ⁹ Там же. С. 79.
- ¹⁰ Гоголь Н. Указ. соч. Т. 4. С. 67.
- ¹¹ Сухово-Кобылин А. Указ. соч. С. 271.
- ¹² Лермонтов М. Указ. соч. Т. 3. С. 287.
- ¹³ Литературное наследство. Кн. 56. М., 1950. С. 572.
- ¹⁴ История русской литературы : в 4 т. Л., 1982. Т. 3. С. 58.
- ¹⁵ Сухово-Кобылин А. Указ. соч. С. 146.
- ¹⁶ Там же. С. 73.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Лотман Ю. Указ. соч. С. 154.
- ¹⁹ Сухово-Кобылин А. Указ. соч. С. 83.

География художественного мира Гоголя несколько сродни представлениям любого взрослого человека (или человечества в целом) об окружающем пространстве. Каждый этап познания мира сопровождается замыканием его в круговую границу, за пределами которой – белые пятна, потустороннее существование, средневековое «hic sunt leones/dracones»¹. У Гоголя ещё с «Вечеров на хуторе близ Диканьки» в роли этих самых львов и драконов – нечисть и отдавшиеся во власть её отщепенцы человечества: ведьмы и колдуны². Отсюда – такое настойчивое присутствие в гоголевских текстах мира «с изнанки жизни», столкновение с которым и приводит персонажей к бесчисленным и неодолимым метаморфозам – «странным превращениям».

Характерно, что потусторонний мир хотя и оказывается, по выражению Ю. М. Лотмана, «пространственно несовместимым» с человеческим миром³, однако же упорно и безуспешно пытается несовместимость эту преодолеть. Мало

того, не только мёртвая панночка и возглавляемое Виём войско нечисти стремятся вступить в очерченный Хомой Брутом меловой круг, но и сам философ не удерживается от желания выглянуть за дозволенные пределы. Межпространственная динамика доминирует над замкнутостью и статикой; граница между мирами становится куда более значимой для художественной реальности, чем пространства, этой границей разделяемые. Помимо «того» и «этого» света у Гоголя возникает третий тип: «пороговое» пространство, в котором осуществляется переход от жизни к смерти и наоборот⁴. Пространство это получает наименование «заколдованного места» – от соответствующего образа в одноимённой повести из «Вечеров...»⁵: «Стал проходить мимо того заколдованного места, не вытерпел, чтобы не проворчать сквозь зубы: “проклятое место!”», взшел на середину, где не вытанцовалось позавчера, и ударил в сердцах заступом. Глядь, вокруг него опять то же самое поле: с одной стороны торчит голубятня, а с другой гумно»⁶. Особенности развития мотива заколдованного места⁷ в прозе Гоголя напрямую связаны с динамикой интересующего нас мотива странных превращений: как пространство и атрибутируемые ему процессы.

Вопрос о соотношении преемственности и развития фантастических образов в повестях Гоголя можно по-прежнему считать открытым – мнения исследователей по нему разделились. Ю. М. Лотман говорит о постепенном переходе от «фантастического» пространства к «бытовому» и о превращении последнего в «фикцию», что возвращает его к исходной фантастичности, но на другом, бюрократическом уровне⁸. М. Я. Вайскопф, напротив, предпочитает видеть в творчестве Гоголя единый сюжет, следуя в этом за Аполлоном Григорьевым и Андреем Белым⁹. К моменту создания петербургских повестей, отмечает Ю. Манн, «у Гоголя фантастика ушла в стиль»¹⁰; по мнению же А. Белого, гоголевская нечисть изначально – «стилизация страха: перед всем чужеродным»¹¹.

Разнородность содержания всех трёх прозаических циклов («Вечера...», «Миргород» и «Арабески», превратившиеся позднее в так называемый цикл петербургских повестей) и авторское своеволие, с которым Гоголь распорядился их составом и судьбой, ещё больше препятствуют согласию литературоведов. Так, Белый и Вайскопф, взявшись делить творчество писателя на фазы, совпали в итоге только в их количестве – три¹². В случае с Гоголем исследователю не поможет даже хронология публикаций: «Миргород» и «Арабески», традиционно воспринимаемые как последовательные этапы гоголевской творческой мысли, на деле выходят в одном и том же 1835 г. (с месячной разницей в цензурных разрешениях – кстати говоря, в пользу «Арабесок»). Представляется целесообразным всё же оставить принятую в литературоведении последовательность гоголев-

ских циклов: «Вечера...» – «Миргород» – «Арабески», поскольку именно в этом направлении происходит, на наш взгляд, пространственное и идейное приближение писателя к феномену заколдованного места как сферы действия странных превращений.

В соответствии с этой концепцией «Вечера на хуторе близ Диканьки» могут считаться начальным этапом развития творческой мысли Гоголя, на котором движение внутренней логики текста ещё опережает авторскую мысль. Восемь повестей цикла дают читателю картину мира, где ситуация странных превращений при прохождении через заколдованное место стала уже весьма распространённым явлением. Набеги нечистой силы на Диканьку-«ойкумену» (Басаврюк в «Вечере накануне Ивана Купала», чёрт в «Ночи перед Рождеством») относительно уравниваются рейдами людей в вотчину потусторонних сил – здесь, прежде всего, отличается дед Фомы Григорьевича, вторгающийся за границу миров дважды (в «Потерянной грамоте» и «Заколдованном месте»). Кроме того, нечисть оказывается способной постоянно обитать в чужом пространстве (Пацюк) и даже вступать в родственные отношения с его обитателями (отец Катерины – колдун, мать Вакулы и мачеха панночки-утопленницы – ведьмы и т.п.). Апогеем таких почти добрососедских отношений становится исходная ситуация «Сорочинской ярмарки» с неслыханной дерзостью заседателя: приспособить «проклятое место» для сугубо людских потребностей. Характерно, что и вред, причиняемый людям этим местом, не имеет сверхъестественных масштабов и нацелен на бытовые человеческие нужды: всё расстройство от заколдованного места в том, что на нём, «хоть тресни, ни зерна не спустишь»¹³. Иными словами, речь идёт не об исключительной ситуации вторжения, но о длительном и успевшем стать привычным процессе «культурного обмена» между «тем» и «этим» светом. В «Вечерах...» автор ещё не даёт убедительного объяснения причин столь тесного взаимодействия миров, которым положено, вообще-то, сохранять друг для друга свой «странный» статус.

В каждом конкретном случае вторжение на чужую территорию объясняется подчёркнуто личными причинами: Басаврюк охотится за заколдованными кладами, чёрт мстит Вакуле за оскорбительное художество, дед Фомы Григорьевича возвращает упущенную грамоту или вовсе занимается расширением своих хозяйственных угодий. Возникает закономерный вопрос: каким образом корыстный интерес мелкого чёрта или рядового хуторянина может преодолеть межпространственные рубежи, установленные куда более высшей силой? Персональные стремления героев путешествовать между мирами вторичны, а первична как раз глобальная причина такой странной проницаемости границ¹⁴. Гоголь пока не задаётся целью сформулировать эту первопричину, подме-

няет её красочными описаниями «прорывов». Его сюжетно-стилистические прозрения опережают осознание творческой идеи.

Картина мира в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» ещё сравнительно проста, в её онтологической структуре прослеживается сходство с иерархией «Божественной комедии» Данте. Вызывающей восхищение рассказчиков цикла, почти «райской» жизни хуторян Диканьки среди «роскошных летних дней» и «божественных», «очаровательных» ночей Малороссии противопоставлены бесовские пляски в аду, от которых «дрошь бы проняла крещёного человека», и ужасы «безвыходной пропасти», где «мертвецы грызут мертвеца»¹⁵. Заколдованное место в этом случае играет роль чистилища, места испытания человеческой души. В зависимости от своих действий в «пороговом» пространстве персонажи Гоголя совершают движение «вверх» (победа Вакулы над чёртом и Левко над ведьмой) или «вниз» (судьбы Петруся, отца Катерины). Но неведомая первопричина смещения миров продолжает действовать, поэтому в большинстве случаев выход из «заколдованного чистилища» оказывается и вовсе невозможным: в селе долго стоит «развалившийся шинок», в котором всхлипывает чёрт, а на огороде всходит «такое, что и разобрать нельзя: арбуз – не арбуз, тыква – не тыква, огурец – не огурец... чорт знает, что такое!»¹⁶ В итоге в повести «Иван Фёдорович Шпонька и его тётушка» «выходить» становится решительно некуда: в произведении нет картин ада, но и великолепие жизни в Диканьке подменяется существованием на хуторе Вытребеньки, где выращивают репу, «больше похожую на картофель»¹⁷, а Василиса Кашпоровна обладает почти алхимической способностью превращать человека в золото, дёргая его за чуб. Прежняя трёхчастность мира непоправимо рушится, и в «Миргороде» Гоголь соберёт примеры того, что (и как) явилось ей на смену.

Миргород – это всё то же заколдованное место, разросшееся «чистилище», отменившее за ненадобностью и рай, и ад. «Неожиданный приход Ивана Никифоровича» здесь равносильно появлению «самого сатаны или мертвеца», женщины откусывают уши у заседателей, а мужчины ведут себя так, что окружающие дивятся: «Да не спрятался ли у вас кто-нибудь сзади и говорит вместо вас?..»¹⁸ Иначе говоря, не только в Диканьке действия сверхъестественных сил приводят к смешению живых и мёртвых, но и во всей Малороссии происходит так же. Заколдованные места возникают на расстоянии друг от друга и ширятся, как прорехи на ветхой ткани, подступают с разных сторон к остаткам человеческого мира и потусторонним локусам. Смерть в виде серенькой кошечки приходит к Пульхерии Ивановне из леса, описываемого Лотманом как «безграничный внешний мир» и «мифологическое пространство» для персонажей «Старосветских помещиков»¹⁹. Однако лес этот не дополняет контрастно усадьбу

Товстогубов до целого Вселенной, как было бы в «Вечерах...», а составляет сравнительно небольшую прослойку внутри неё, за садом и ближе к дому, чем грабительски осваиваемое приказчиком пространство вырубок. Противоестественное преодоление раскола между мирами первого цикла оборачивается дроблением смешанного пространства на взаимно отчуждённые зоны.

Сформулированный В. Ш. Кривоносом «модус проблематичности в поэтике Гоголя»²⁰ резко возрастает на этапе работы над «Миргородом». Не только «чужой», но и «свой» для персонажей мир воспринимается теперь автором и читателем как странное место. Во втором цикле друг другу противостоят уже не тот и этот свет, но два (и даже больше) пространства, достаточно однородные в своей фантастичности и в одинаковой степени наделённые хтоническими признаками. Кривонос отмечает, что в «Тарасе Бульбе» «сакрализованному мужскому коллективу запорожцев» противопоставлены «феминизированные евреи, связанные с потусторонним миром» и «нечистый и опасный топос Варшавы»²¹. Но и сами запорожцы, по верному наблюдению Вайскопфа, несут в себе обнаруженную ещё в «Вечерах...» семантическую связь с заколдованным местом: «В “запорожцах” ПП [“Пропавшая грамота”] и НПП [“Ночь перед Рождеством”] этимологизирован *порог*, переступаемый героем по пути в загробное *запорожье*»²². «Сакрализованной» Сечь остаётся только для Бульбы и его казаков; для поляков она несёт «страшные знаки свирепства полудикого века», для автора и читателя Запорожье – «необыкновенное явление», имеющее «в себе что-то околдовывающее», где «в один месяц возмужали и совершенно переродились только-что оперившиеся птенцы»²³.

В «Вие» столкновение нескольких проклятых локусов становится особенно важным. Хома Брут обнаруживает заколдованное место в степи по дороге домой («Везде была одна степь, по которой, казалось, никто не ездил... везде была та же дичь... голос его совершенно заглох по сторонам и не встретил никакого ответа»), в фантастическом мире отражений, похожем на заколдованные места в «Майской ночи» и «Страшной мести» («...трава казалась дном какого-то светлого, прозрачного до самой глубины моря; по крайней мере он видел ясно, как он отражался в нем вместе с сидевшей на спине старухой»), в селении сотника («Тут не такое заведение, чтобы можно было убежать. Да и дороги для пешехода плохи...») ²⁴. Да и сам философ – дитя странного мира бурсы, раздробленного и абсурдного, того бытового мира, который, «как только... обернулся хаосом... стал не менее фантастичным, чем противопоставленный ему»²⁵. Среди локусов «Вия» нет такого, которого не коснулось бы проклятие нечистой силы, поэтому их взаимодействие не может не завершиться катастрофой умножения зла. Апофеоз этого – в заповолившей церковь погибшей нечисти²⁶.

Итак, полярная картина мира у Гоголя подвергается разрушению уже в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» и в повести о Шпоньке приобретает вид не имеющего альтернатив заколдованного места. «Миргород» демонстрирует эту превращённую вселенную более детально: как скопление взаимно отчуждённых странных локусов, в равной степени недостоверных в глазах автора и читателя. Тот факт, что дробный, склонный к непрерывным изменениям хронотоп становится достаточным условием для объединения в цикл разнородных в остальном повестей, подтверждает нашу гипотезу, что на момент работы над вторым прозаическим циклом Гоголь уже сознательно воспринимает проблему странных превращений в мире-«заколдованном месте» как одну из важнейших для своего творчества. Эту проблему писатель целенаправленно исследует в создаваемых одновременно с «Миргородом» «Арабесках»: как на публицистическом, так и на художественном материале. Основные принципы странных превращений реальности интуитивно обнаружены Гоголем во время работы над малороссийскими циклами: во-первых, вторжение нечистой силы в жизнь человека совершается повсеместно, порождая пёстрый, хаотичный характер метаморфоз; во-вторых, первопричина этого вторжения – в глобальном уничтожении границ между нормальным и противоестественным под действием неведомых, но могущественных сил. Первый принцип получает ёмкую формулировку в повести «Невский проспект» (уже несущую значимый оттенок проблематичности: точка зрения автора искусно подменяется точкой зрения героя): «...ему казалось, что какой-то демон искрошил весь мир на множество разных кусков и все эти куски без смысла, без толку смешал вместе»²⁷. Другая идея находит отражение в первой редакции повести «Портрет» («...земля наша – прах пред создателем. Она по его законам должна разрушаться и с каждым днем законы природы будут становиться слабее и от того границы, удерживающие сверхъестественное, приступнее»²⁸) и оказывается точкой кризиса в творчестве Гоголя, обозначив катастрофическую для него мысль об отпадении человеческого мира от божественного идеала. На наш взгляд, именно попыткой осознания и преодоления этого разрыва становится для писателя сборник «Арабески» и вышедший из него цикл петербургских повестей.

Примечания

- 1 Тут [обитают] львы/драконы (лат.) – классическое выражение, которым на средневековых картах подписывали неведомые земли на краю Ойкумены.
- 2 Ср.: «...“всё, что ни есть на свете”, которое гопакует, гарцует, воюет и валится в смерть в действительности,

- лишь “эта вот” показанная кучка: десяток казаков, засевавших в траве; горсть обитателей десятка хат; но вне её в момент срастания каждого с каждым – провал, из которого кривится рожа нечистого, “собачьего сына”; и это – инородец, приползший к хуторку, чтоб нагадить» (Белый А. Мастерство Гоголя. М.; Л., 1934. С. 49).
- 3 См.: Лотман Ю. Художественное пространство в прозе Гоголя // Лотман Ю. В школе поэтического слова : Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1988. С. 259–260.
 - 4 См.: Кривонос В. Гоголь : Проблемы творчества и интерпретации. Самара, 2009. С. 145–150.
 - 5 См.: Кривонос В. Фольклорно-мифологические мотивы в «Петербургских повестях» Гоголя // Изв. РАН. Сер. литературы и языка. 1996. Т. 55, № 1. С. 45–48 ; Он же. Гоголь : Проблемы творчества и интерпретации. С. 145–159 ; Манн Ю. Поэтика Гоголя. М., 1988. С. 15–18.
 - 6 Гоголь Н. Полн. собр. соч. : в 14 т. М., 1937–1952. Т. 1. С. 313.
 - 7 См.: Кривонос В. Повести Гоголя : пространство смысла. Самара, 2006. С. 140–143.
 - 8 Лотман Ю. Указ. соч. С. 259–283.
 - 9 См.: Вайскопф М. Сюжет Гоголя : Морфология. Идеология. Контекст. М., 2002. С. 11–13.
 - 10 Манн Ю. Фантастическое и реальное у Гоголя // Вопр. литературы. 1969. № 9. С. 124.
 - 11 Белый А. Указ. соч. С. 127.
 - 12 См.: Белый А. Указ. соч. С. 10–14 ; Вайскопф М. Указ. соч. С. 13–14.
 - 13 Гоголь Н. Указ. соч. Т. 1. С. 117.
 - 14 А. Иваницкий даёт совершенно «гоголевское» в своей миражности объяснение этому процессу: «Выросшая земляная граница проходима, поскольку обе разъединённые части некогда единого целого нуждаются в ее прохождении» (Иваницкий А. Гоголь. Морфология земли и власти. М., 2000. С. 93).
 - 15 Гоголь Н. Указ. соч. Т. 1. С. 111, 159, 188, 278.
 - 16 Там же. С. 151–152, 316.
 - 17 Там же. С. 287.
 - 18 Там же. Т. 2. С. 270, 248.
 - 19 Лотман Ю. Указ. соч. С. 269.
 - 20 «Именно проблематичность является важнейшим структурно-семантическим свойством гоголевских произведений; проблематичными могут оказаться и сюжетные ситуации и происшествия, и персонажи, и рассказываемая история» (Кривонос В. Повести Гоголя: пространство смысла. С. 302).
 - 21 Там же. С. 73, 45.
 - 22 Вайскопф М. Указ. соч. С. 106.
 - 23 Гоголь Н. Указ. соч. Т. 2. С. 83, 64, 84.
 - 24 Там же. С. 182, 186, 196.
 - 25 Лотман Ю. Указ. соч. С. 279.
 - 26 См.: Иваницкий А. Указ. соч. С. 123.
 - 27 Гоголь Н. Указ. соч. Т. 3. С. 24.
 - 28 Там же. С. 443.